

Глава 18

В воскресенье утром Шэнь Цяньцы, как и всегда, погрузился в чтение. Цинь Гуаньюй проявил щедрость и разрешил ему пользоваться кабинетом властного босса.

Когда он уже собирался сделать пометку карандашом на полях, в комнату вошёл хозяин дома в спортивном костюме.

За несколько дней совместной жизни Шэнь заметил, что у президента Циня был довольно строгий распорядок дня: он не любил засиживаться допоздна и каждое утро ровно в семь вставал, чтобы пойти в спортзал.

Рука с тонкими, длинными пальцами легла на стол, и тень накрыла молодого человека с головой. Он с недоумением поднял взгляд и встретился с глазами собеседника.

— Ты сегодня идёшь со мной в спортзал.

Сказав это, Гуаньюй закрыл книгу в его руках, на удивление властно, как и подобает боссу.

— Не пойду, — Шэнь Цяньцы, опустив голову, снова открыл книгу.

— Пойдёшь, — Цинь Гуаньюй снова закрыл её и накрыл обложку ладонью. — Посмотри на себя, худой, бледный. Наверное, мало занимаешься спортом и бываешь на солнце? Так не пойдёт, учитель Шэнь, станешь совсем хрупким.

— В этом семестре у меня три учебных дня в неделю. Я стою на ногах от начала и до конца лекций, это тоже можно считать физической нагрузкой. А после занятий мне ещё нужно проверять студенческие работы и их конспекты.

Молодой человек попытался одним пальцем сдвинуть его руку.

— У меня хватает и физических, и умственных нагрузок. Позволь мне просто насладиться прекрасным воскресным утром, хорошо?

Видя, что Цинь Гуаньюй не собирается отступать, Шэнь Цяньцы добавил:

— У меня проблемы с поясницей.

— Вот об этом я и хотел спросить, — протянул Старина Цинь. — Ты такой молодой, а спина уже не в порядке?

— Получил травму на первой работе.

— Серьёзно? — Цинь Гуаньюй нахмурился и обошёл стол, чтобы встать рядом с ним. — Твоя первая работа тоже была связана с преподаванием? В наши дни быть учителем так опасно?

— Нет, не учителем, — Шэнь Цяньцы не хотел развивать эту тему и вздохнул. — Ничего страшного, просто в межсезонье ноет. В спортзал я с тобой не пойду, с больной спиной особо не позанимаешься.

Взгляд Гуаньюя задержался на его талии, и лишь спустя мгновение он отвёл глаза, с сожалением скривив губы:

— Ладно.

Но в конце всё же не удержался от едкого замечания:

— Да и к тому же... вдруг ты не удержишь равновесие, ударишься головой, потеряешь память и примешь меня за своего мужа?

Шэнь Цяньцы: «...»

Сунь Гуаньцин и Лу Тяньгун приехали в горную виллу Юньцзин с пакетами закусок и фруктов ближе к обеду.

Несмотря на то, что гости были морально готовы, увидев открывшего им дверь Шэнь Цяньцы, они испытали странное чувство...

Словно птенец вырос и оперился. Их поросёнок, оказывается, втайне от них научился топтать чужую капусту!

— Учитель Шэнь, а где он сам? — заглядывая внутрь, спросил Лу Тяньгун.

— На кухне, — указал пальцем Шэнь Цяньцы. — Сказал, что приготовит для вас маринованные утиные потроха.

— Вот чёрт! — глаза Сунь Гуаньцина затуманились. — Вот он, семейный человек! Раньше, когда мы приезжали, он никогда не проявлял такой хозяйственности, чтобы самому готовить...

Сунь по привычке направился к холодильнику за напитками и, обернувшись, увидел, как белый

кот, знакомый ему по видеоконференциям Цинь Гуаньюя, прыгнул с когтеточки и подошёл к своей миске, чтобы попить.

Он присел на корточки, собираясь погладить кота, но его взгляд упал на миску, и от знакомого узора у Сунь Гуаньцина потемнело в глазах...

Цинь Гуаньюй, этот варвар, наливал коту воду в чайную чашку времён династии Цяньлун!!!

Какое кошунство! Невообразимо! Безумие!

Он вихрем ворвался на кухню, но, не успев высказать всё, что думает, увидел, как молодой господин Цинь с нежностью смотрит на две кастрюли с утиными потрохами.

— Зачем так много маринуешь? — злость Суня немного улеглась. — Нам с Лу домой в качестве закуски?

Он смущённо добавил:

— Ой, как-то даже неудобно!

— Тебе бы к врачу сходить, — с отвращением произнёс Цинь Гуаньюй. — Эта кастрюля с пятью специями — специально для учителя Шэня, он не ест острого, иначе у него болит желудок.

Вошедший следом Тяньгун услышал их разговор и замер в нерешительности.

Оба гостя погрузились в молчание.

Спустя мгновение Лу Тяньгун всё же не выдержал:

— Тебе не кажется, что ты слишком увлёкся этой игрой в дублёра и уже потерял связь с реальностью?

— Ты пропал, старина Цинь, — с беспокойством сказал Сунь Гуаньцин. — Похоже, ты подсел. Подсел на дублёра, и вся твоя жизнь пойдёт насмарку!

— Да вы больные, что ли? — Цинь Гуаньюй замахал половником. — Я просто утку в кастрюле готовлю, а не в эскорт подался!

— Я знаю, что ты не в эскорте, — скрестив руки, ответил Лу. — Ты просто играешь в мужа для другого!

— Вот именно, — с завистью поддакнул Сунь. — Уже и ребёнка завели, и воду он пьёт из антикварной чашки времён Цяньлун!

Цинь Гуаньюй, не желая их слушать, вытолкал обоих из кухни.

За хого Сунь Гуаньцин смотрел на три булькающих котелка, на Цинь Гуаньюя, который выловил из томатного бульона большую порцию говядины и положил её в тарелку Шэнь Цяньцы, и почему-то почувствовал себя одиноким.

С тех пор как он стал директором по маркетингу в «Цинь Нун», у него не было ни одной девушки. Ни жены, ни кота...

Раньше его утешала компания Старины Циня, этого «мастера любования луной», но прошла всего неделя, и у друга появилась не только «жена», но и кот!

Он не удержался от любопытства:

— Вы вчера куда-нибудь ходили?

— Ездили на пир к моему отцу, — ответил Цинь Гуаньюй.

Руки друзей дрогнули, и они едва не уронили палочки в котелок.

Они в унисон посмотрели на хозяина дома. В их взглядах читалось восхищение, смешанное с нецензурной бранью.

— Вы знакомы всего неделю... — потрясённо проговорил Лу Тяньгун. — И уже пошли проходить квест с его мачехой...

— Почему все так реагируют, когда речь заходит о вашей мачехе? — с любопытством спросил Шэнь Цяньцы.

— Учитель Шэнь, вы не знаете, — вмешался Лу. — Эта госпожа Бай — настоящая ходячая проблема. Мы втроём учились за границей, и Бай Цинцин, чтобы старина Цинь не тратил деньги своего отца, наняла нас с Сунь Гуаньцином следить за его расходами и еженедельно отчитываться.

«...»

«Так это вы и были те самые надсмотрщики», — подумал Шэнь Цяньцы.

— И что, вы отчитывались?

— Конечно, отчитывались, только дурак от денег откажется! — сказал Тяньгун. — Мы тут же отдавали деньги старине Циню, а потом делили на троих. Отличная прибавка к стипендии.

«Настоящие друзья, — пронеслось в мыслях учителя Шэня, — прошли проверку и организацией, и деньгами».

— А как вы отчитывались Бай Цинцин?

Сунь Гуаньцин гордо выпятил грудь:

— Шутишь! Мы же коммерцию изучали. Сделать для неё красивую презентацию, чтобы пускать пыль в глаза, — для нас это было проще простого.

Вспоминая прошлое, Лу Тяньгун вздохнул:

— Тогда отец старины Циня и его мачеха были довольно жестоки. Он даже предлагал им написать долговую расписку, но они отказались. В итоге, чтобы продолжить учёбу, нашему молодому господину Циню пришлось продать свою красоту.

— Красоту?

Шэнь Цяньцы вспомнил, что Цинь Гуаньюй как-то упоминал об этом, но не хотел вдаваться в подробности, и теперь его разбирало любопытство.

И действительно, кончики ушей собеседника снова покраснели.

— Эй, эй! Ешьте! — поспешно сказал Цинь Гуаньюй.

— Да чего ты стесняешься? — удивился Сунь Гуаньцин. — Ты не только заработал денег, но и запечатлел себя двадцатилетним на экране. Это же здорово!

Шэнь Цяньцы уловил слово «экран» и с изумлением посмотрел на Циня:

— Ты снимался в кино?!

— Он снялся в фильме о школьной жизни, — с воодушевлением объяснил Сунь Гуаньцин. — Режиссёр был довольно известный, он снимал в нашей бывшей школе. Актёр, игравший четвёртую мужскую роль, как раз отказался от съёмок, и режиссёр не знал, кого найти. И тут он увидел на доске почёта фотографию нашего старины Циня, сразу же влюбился, позвонил

директору и умолял его найти Гуаньюя на эту роль.

Щёки молодого господина Циня пылали.

— Ты можешь говорить потише?! — недовольно бросил он Сунь Гуаньцину.

— А что такого? — не понял тот. — Ничего постыдного в этом нет.

— Как это нет?! — возмутился Цинь Гуаньюй. — Будучи властным боссом, вместо того чтобы щедрой рукой инвестировать в фильм, я вынужден был ради платы за учёбу терзать глаза зрителей своей бездарной игрой. Это, по-твоему, почётно?!

— О, боже! Твоя мораль работает в каких-то странных направлениях!

— Сейчас популярные звёзды, — с недоумением сказал Лу Тяньгун, — у скольких из них игра не терзает глаза зрителей? А они даже не так красивы, как ты. Я не понимаю, почему ты комплексуешь из-за такой ерунды...

Видя, что кончики ушей Цинь Гуаньюя покраснели до такой степени, что вот-вот начнут капать кровью, а сам он уставился на плавающую в котелке говядину, Шэнь Цяньцы усмехнулся, подлил ему напиток и громко напомнил:

— Господин Цинь, а где моё печенье?

Тот вздрогнул:

— Тебе сегодня нужно?

— Конечно, — с полной уверенностью заявил Шэнь. — Завтра у меня целый день лекций, я возьму его с собой на полдник.

— Я не подготовился, — Цинь Гуаньюй окинул взглядом кухню и холодильник и понял, что продуктов не так много. — Картофельное печенье с морскими водорослями подойдёт?

— Подойдёт, — удовлетворённо кивнул Шэнь Цяньцы.

Сунь Гуаньцин и Лу Тяньгун молча переглянулись, но не успели они обменяться мыслями, как Цинь Гуаньюй схватил их за шкирку.

— Я пока поставлю картошку вариться, а вы, как поедите, приходите помогать.

Во второй половине дня они вчетвером сидели за столом и вырезали формочками лакомство.

«...»

«Почувствовал себя странно, — подумал Шэнь Цяньцы. — Такое ощущение, будто я попал на детский телеканал».

Цинь Гуаньюй снял перчатки и включил телевизор.

— Тогда добавим немного взрослой остроты. Как насчёт криминальной хроники?

Но как только экран загорелся, на нём оказался развлекательный канал, и, по иронии судьбы, там шло интервью со съёмочной группой нового сериала, в котором снимался Шу И.

В комнате воцарилась тишина.

Сунь Гуаньцин и Лу Тяньгун смущённо посмотрели на Цинь Гуаньюя. Тот, не отрываясь, смотрел на экран. Шэнь Цяньцы тоже с интересом слушал интервью популярных звёзд.

«Ну вот, — подумал Сунь Гуаньцин, — теперь это действительно взрослая острота».

Вряд ли дети играют в такие модные игры, как «дублёр», и, глядя на своего «белого лунного света» в умных часах, замирают в присутствии этого самого дублёра.

Вряд ли.

— Кажется, тот актёр, который играет вторую мужскую роль, специально задевает Шу И, — внезапно сказал Цинь Гуаньюй.

Сунь Гуаньцин и Лу Тяньгун чуть не остолбенели от ужаса.

«Брат! Ты серьёзно? Сейчас самое время говорить на такие темы?»

Они, сковав шеи, снова посмотрели на Шэнь Цяньцы, размышляя, что будет, если «дублёр» спросит спонсора: «Ты всё ещё не можешь его забыть?»

Как им, группе поддержки «спонсора», следует себя вести в этой мелодраматической сцене?

«Неужели им придётся играть идиотов? — мелькнуло в голове Тяньгуна. — Это считается производственной травмой? Страховка покроет?»

Но красивый «дублёр» решил не следовать сценарию. Шэнь Цяньцы указал на актёра, о котором говорил Цинь Гуаньюй:

— Его зовут Яо Фэн. С виду безобидный, но на самом деле мелочный и очень завистливый.

Гости тут же забыли о своей дилемме и наострили уши, чтобы послушать сплетни.

— Но ведь Яо Фэн известен в индустрии как милый и спокойный парень, — сказал Лу Тяньгун.

— Это всё образ, созданный агентством, — ответил Шэнь Цяньцы.

— Учитель Шэнь, откуда вы знаете, что он мелочный? — с удивлением спросил Цинь Гуаньюй.

Шэнь пожал плечами:

— Он мой бывший сосед по комнате в общежитии.

— !!!

Все трое были в шоке.

— Яо Фэн ведь закончил театральный? Он был твоим соседом? — Цинь Гуаньюй был поражён.

— Ты учился в художественном вузе?

— Я и магистратуру там же закончил, — сказал Шэнь Цяньцы. — Иначе как бы я преподавал драматургию?

— А почему ты не пошёл сниматься? — спросил Сунь Гуаньцин.

— Недостаточно красив, — с притворной грустью ответил Шэнь.

Цинь Гуаньюй разволновался больше всех, печенье чуть не упало у него со стола.

— Ты недостаточно красив?!

— Раз уж вы считаете меня красивым... — Шэнь Цяньцы вдруг посмотрел ему прямо в глаза, — почему вы тогда всё время смотрите на Шу И по телевизору?

Его окутала невидимая, но почти осязаемая аура печали, а в улыбке проскользнула горечь:

— Вы всё ещё не можете его забыть, да?

Сунь Гуаньцин, Лу Тяньгун: «!!!»

Как он умудрился к этому вернуться?!

Два члена группы поддержки спонсора растерялись, забеспокоились и были готовы выползти отсюда на четвереньках.

Бесчисленные романы о дублёрах научили их, что у группы поддержки «спонсора» не бывает хорошего конца! Они либо становятся идиотами, либо козлами отпущения!

Они не хотели быть ни теми, ни другими.

«...»

Губы Цинь Гуаньюя дёрнулись.

Он уже видел эту сцену. Когда они кастрировали Маньтоу, Шэнь Цяньцы играл точно так же!

— Не лезь в дела спонсора... — с недоумением произнёс он.

— ! — Сунь Гуаньцин насторожился.

Началось, сейчас начнётся.

Видя, что Лу Тяньгун уже забился в угол с диванной подушкой, Сунь тоже собрался было удрать, но Шэнь Цяньцы вдруг окликнул его:

— Брат, почисти мне мандарин, пожалуйста.

Сунь Гуаньцин: «???»

— Во рту горько, — опустив глаза, сказал Шэнь Цяньцы.

«На сердце горько», — автоматически перевёл Сунь Гуаньцин.

Он дрожащими руками взял со стола мандарин и уже собрался его чистить...

— Мы с ним ровесники, какой он тебе «брат»?

Цинь Гуаньюй с недовольством выхватил у него фрукт.

— Ты хоть чистить-то умеешь?

Сунь Гуаньцин: «...»

О чём он и говорил! Проклятие романов о дублёрах безгранично! Неужели он только что стал козлом отпущения?

<http://bllate.org/book/15964/1501036>